

КИТАЙ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1 октября 2019 года исполняется 70 лет со дня образования Китайской Народной Республики. За время существования КНР прошла трудный путь развития, но в результате добилась огромных успехов, превратившись в мощную державу, продолжающую курс реформ и оказывающую возрастающее влияние на мировую экономику и политику. Развитие КНР ныне является объектом серьезного исследования учеными многих стран мира. В этом номере редакция “МЭ и МО” публикует ряд статей ведущих российских специалистов по Китаю, посвященных важным аспектам его политики и экономики.

РЕАЛИЗАЦИЯ “КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ” В ПЕРИОД “ЭПОХИ СИ ЦЗИНЬПИНА”: ЧТО ОЖИДАТЬ РОССИИ?

© 2019 г. А. Воскресенский

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, PhD, профессор, МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (chinaregion@inno.mgimo.ru).

Статья поступила в редакцию 14.05.2019.

Разбираются китайские концепции “реформ и открытости”, “среднего уровня обеспеченности”, “трех представительств”, “гармоничного общества”, “китайской мечты”, обосновывается логика их появления и структурная взаимосвязанность, сходства и различия двух вариантов “китайской модели” — материковой и островной части Китая. Раскрываются параметры социального государства с китайской спецификой. Показывается, как продвижение на пути успешного развития когда-то бедной страны объясняет центральную роль социального государства как основы легитимности КПК. Анализируется специфика китайской модели и возможности ее применения для других социумов.

Ключевые слова: Китай, развитие, КПК, Си Цзиньпин, реформы, политическая система, политические концепции, идеология, китайская модель.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-10-5-16

Сегодня, когда Китай становится глобальной державой и оказывает большое влияние на пространства взаимодействия и по периферии своих границ, и с внешним миром в целом исключительно важно понимать, как реально развивалась страна и с какими сложностями она может встретиться на пути своего дальнейшего исторического продвижения. Это дает возможность оценить перспективы положения России между Западом и Востоком и проанализировать пути формирования китайской модели социального государства, то есть посмотреть на китайский опыт развития в сравнительно-исторической перспективе и, по возможности, беспристрастно.

КИТАЙСКИЙ ПУТЬ И КИТАЙСКАЯ МЕЧТА

Начиная с 1950-х годов в Китае идет дискуссия о содержательной стороне национальной модели модернизации. Дискуссия эта особенно активно развернулась, когда с полной очевидностью стал явным крах маоцзедуновской модели развития мобилизационно-насищенного типа, особенно в сравнении с успешной тайваньской моделью. Модернизация традиционно рассматривалась

в Китае как осовременивание, приближение к современности (*сяньдайхуа*) [1], а при Мао Цзэдуне и при одном из его предпоследних преемников Линь Бяо — как насильственно-форсированное преобразование мобилизационного типа на основе китаизированного марксизма [2], соединенного с примитивизированным пониманием социального развития [3] в русле маодзедуновской эклектики в области политической философии и теории [4]. Крах затратной насильственно-форсированной модели развития поставил китайское руководство перед выбором: как проводить интенсивное экономическое развитие, сохраняя каркас системы политико-экономического управления таким образом, чтобы не допустить распада государства и одновременно обеспечить наращивание благосостояния населения?

Это вынудило руководство КНР, подобно китайцам на Тайване в 1960–1980 годах при правлении лидера Гоминьдана (ГМД) Чан Кайши, а потом и последующем тайваньском руководителе его сыне Цзян Цзинго, эвакуировавшихся вместе с армией, группой последователей и беженцами на остров после поражения на материке в гражданской войне от Коммунистической партии Китая (КПК), воплощать в жизнь (но примерно на

15–20 лет позже) концепцию построения общества “средней удовлетворенности” (*сяокань*) или “среднего благосостояния”. Концепция “сяокань” опиралась на глубоко укорененные в китайской нации исторические конфуцианские представления [5] о справедливости и социальном благополучии народа [6] через формулирование концепции самобытного китайского социализма [7], подкрепленного научной политикой правления просвещенной доминантной партии — Гоминьдана на Тайване, а потом, начиная с периода реформ и открытости, и КПК в КНР [8].

КПК в ходе сложнейшего периода строительства китайского национального государства, пройдя через раскол, внутрипартийные преследования и физическое уничтожение инакомыслия путем политических репрессий [9], научилась постепенно аккумулировать и интегрировать прогрессивные устремления подавляющего большинства китайского общества через политические концепции “реформ и открытости”, “трех представительств”, “гармоничного развития” и “китайской мечты”. Процесс аккумулирования и интегрирования политических интересов общества в КНР постепенно стал происходить по большей части без массового политического насилия, но в целом на основе авторитарной модели политического управления. При этом за весь современный период развития пореформенного Китая благосостояние китайского народа непрерывно повышалось, и поэтому КПК продолжает получать народную поддержку на осуществление своего курса.

На островной части Китая — Тайване, как демографически менее населенном, но экономически более успешном квазигосударстве, был взят альтернативный курс на строительство открытой конкурентной рыночной системы и демократизирующейся политической системы с постепенно демонтируемой доминантной партией и формированием многопартийности. В КНР в ходе реформ с 1978 г. был сделан акцент на совершенствование демократического управления [10], прежде всего внутри самой доминантной партии с опорой на закон [11], подкрепленный жесткой борьбой с коррупцией на современном периоде развития [8], и формирование современного сильного социального государства трансформирующегося авторитаризма [12; 13].

В ходе прихода к власти Си Цзиньпина на волне усиливающейся внутрипартийной дискуссии о выборе дальнейшего пути на фоне замедления китайской экономики после окончания эпохи Дэн Сяопина с его главным заветом — развиваться “не высовываясь” (*бу чжэнь тоу*) — и неожиданного появления альтернативного политического лидера на отличной организационной платформе (Бо Силай)

[14], вызвавшего сильнейший политический кризис и потребовавшего от партии форсированной консолидации [3; 15], эта политика была оформлена в виде концепции “китайской мечты” [16]. Концепция “китайской мечты” была призвана положить конец “разброду” в дискуссиях о выборе дальнейшего пути развития Китая, помочь консолидироваться на этой основе и придать дополнительную конкретику идее строительства гармоничного социалистического общества в гармоничном мире [8, pp. 5–8], усилив авторитаризм управления и акцентировав внимание на главной задаче и конечной цели развития — “великом возрождении китайской нации” [17, pp. 10–15]. Такая постановка вопроса потребовала усиления авторитарного начала в управлении, но при этом все предыдущие концепции были включены в консолидированную концепцию “китайской мечты”, а новый лидер Китая Си Цзиньпин получил статус “ядра китайского руководства” (или “сердцевинного руководителя” — “*хэсинь линдао*”) [18].

“Китайскую мечту” все китайцы понимают по-разному. Однако она точно включает в себя понятие сильного, богатого, справедливого общества, в идеале с многочисленными счастливыми мирными жителями (пусть и не миллионерами, поскольку население страны очень большое и бедных все еще очень много) “среднего уровня благосостояния”, которые имеют все необходимое для успешной и благополучной жизни и предлагают окружающим народам на основе идеи “совместного выигрыша” [19, pp. 3–5] строить такие же общества “совместного благополучия” по периметру китайского государства [17, pp. 10–15]. “Китайская мечта” в принципе не предполагает необходимости отбирать что-то у кого-то, наказывать китайцев, которые уехали из страны за лучшей политической или экономической долей, и даже уже не связывается с каким-либо ярко выраженным идеологическим направлением, поскольку доминантная партия провозгласила себя партией всего народа. Между тем внешние аспекты этой концепции стали порождать особые противоречия нового типа и даже неприятие вовне, поскольку предложенная Китаем модель внешней экспансии вызвала ущемление суверенитета и прав этнических социумов как внутри самого китайского государства (в отношении части национальных меньшинств), так и за его пределами, особенно на начальном этапе осуществления проекта “Один пояс, один путь” [3]. Китайская концепция развития при этом, конечно, де-факто не подразумевает полной свободы, но она стала политическим инструментом, который позволяет “впитывать” все прогрессивное для развития Китая. Эта концепция универсальна и понятна: руководство страны, несмотря на все демографические, экологические и другие ограничения, признавая

свои внутрисполитические ошибки, в том числе ошибки “большого скачка” и “культурной революции”, не называя Мао Цзэдуна “эффективным менеджером”, но достаточно адекватно зафиксировав его место в сложной китайской истории новейшего времени и дав этому периоду принципиальные нелицеприятные оценки, динамично продвигает Китай вперед, “ощупывая камни”, чтобы не поскользнуться на сложном пути развития в прошлом бедной страны с почти полутора миллиардным населением, повышая его благосостояние на основе национальных принципов справедливости и передовых научных разработок [20, pp. 3–4]. Китайцы при этом не просто превратили эту самую большую в мире развивающуюся страну во вторую экономику мира, но и вполне в духе не так давно ушедшего сингапурского руководителя ханьской национальности Ли Куан Ю формируют внутреннюю конкурентную систему для дальнейшего развития. Пока это происходит все же в жестких рамках, заданных властной вертикалью, в том числе и посредством введения системы “социальных кредитов”.

Именно поэтому часть политической элиты в европейской вертикали власти не спешит огульно осуждать китайских руководителей за авторитаризм, а считает, что китайская власть в целом продвигает китайское государство в правильном направлении — большей степени свободы и открытости при сохранении основных структурных характеристик социального порядка. При этом отношение европейского гражданского общества к китайской внутренней политике более критично, чем европейских властных элит, которые сами подвергаются жесткой критике изнутри за любой промах в управлении государством. Следует отметить, что взвешенные оценки китайской модели развития не всеми в одинаковой степени поддерживаются, а частью политической элиты Европы и особенно США активно оспариваются. Однако умение китайского руководства после ссор во время событий на площади Тяньаньмэнь разруливать конфликтные ситуации политическими способами без применения массового насилия, решать проблемы не только за счет населения [3], а умелыми политическими методами мировыми властными элитами признается [15].

Китайскому населению при этом понятно, что руководство страны выдвигается в целом на основе принципов меритократии и системы фактически универсальных, но при этом “китаезированных” ценностей, называемых конфуцианскими, контролируется государством, которое структурируется доминантной партией всенародного типа, которая сохраняет свою руководящую роль и действует на основе одинакового для всех закона. Борьба Си Цзиньпина с коррупцией в этой связи рассматривается с точки зрения необходимости

жесткого отношения власти к крайним проявлениям этого явления, которое подрывает легитимность доминантной партии и государства. Такая политическая линия благоприятна для каждого китайца, дает возможность всесторонне реализоваться даже при всех объективных ограничениях, существующих в китайском социуме (демография, экология, жесткая социальная система и т.д.) [21], не основана на насилии или обмане населения, как это было во времена Мао Цзэдуна, поддерживает продвижение вперед на основе конфуцианской концепции “*чжэн мин*” (выправления имен), — то есть осуществления политики, где слово не должно расходиться с делом, а лозунги быть фальшивыми [13]. При всех сложностях развития китайского социума, выбранное китайскими руководителями направление развития в целом пока не вызывает массового недоверия народа, поскольку развитие страны идет под лозунгом “*жэнь вэй бэн*” — человек, народ — “основа всего” [18] (можно сравнить с другим слоганом — “народ — новая нефть”). Это хорошо понятно простым людям — не реформы ради реформ, не реформы ради сохранения властной вертикали доминантной партии или извлечения прибыли, а развитие в целом во имя своего народа, который, несмотря на все сложности, продолжает оставаться в центре провозглашенной КПК модели научного развития как его важнейший элемент [19]. Это усложняет критику “нового авторитаризма” Си Цзиньпина извне, поскольку понятно, что управлять огромной страной со значительной долей бедного населения, второй экономикой мира, конкурирующей почти наравне с мировыми экономическими лидерами, весьма непросто.

Китай, особенно в последние 10 лет, сделал большой шаг вперед в продвижении концепции социального развития. При этом он остается хотя и самой крупной, но развивающейся страной с большим сегментом бедного населения, доход на душу которого в среднем все же ниже, чем в среднем в России примерно в 2 раза, но при этом общий ВВП которого уже в 4–6 раз (в зависимости от методов подсчета) превышает ВВП РФ [18]. По китайским данным, только ВВП одной, правда, экономически очень развитой провинции Гуандун в 2017 г. превзошел ВВП всей России.

На последнем 19 съезде КПК был сделан вывод о том, что по некоторым (но не всем) параметрам Китай уже превратился в развитую страну [18]. И в этом теперь заключается разница российского и китайского местоположения в мировой иерархии: подушевой доход в России растет в основном за счет повышения эффективности труда и одновременного сокращения населения в условиях экспорта невозможных энергоресурсов экономики индустриального типа, а в Китае за счет повышения уровня и объема маркетинга, создания серий